

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008(091)

А. Г. Мельник

Гордые ростовцы: самосознание жителей Ростова в конце XI – первой трети XIII в.

В конце XI – первой трети XIII в. жители Ростова обладали весьма развитым самосознанием. Об этом свидетельствует следующее. В летописях данного периода многократно фигурирует термин «ростовци», обозначающий жителей названного города. Следовательно, они тогда осознавали себя как некую особую общность. Важнейшим структурообразующим компонентом самосознания ростовцев являлось то, что они считали себя жителями старшего города Ростово-Суздальской земли. На этом основании они свысока смотрели на остальных обитателей данного региона. Надо думать, стремление ростовцев выразить свое превосходство над другими городами Ростово-Суздальской земли проявилось в истории строительства первого каменного собора Богородицы в Ростове в 1160-е гг. В результате ростовский собор на тот момент стал самым большим храмом Ростово-Суздальской земли, включая соответствующие соборы Суздаля и Владимира. Начиная с последней трети XII в. значительное влияние на формирование ростовского самосознания оказывал культ св. Леонтия, епископа Ростовского, мощи которого были обретены в 1160-х гг. Он воспринимался как небесный покровитель жителей Ростова. Следовательно, св. Леонтий стал символом идентификации местного сообщества.

Ключевые слова: XI–XIII века, Русь, самосознание жителей Ростова.

HISTORICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

A. G. Melnik

Proud Rostovtsi: Self-Consciousness of the People of Rostov in the Late Eleventh to the First Third of the Thirteenth Century

People of Rostov had in the late eleventh to the first third of the thirteenth century self-consciousness developed to a great extent. Chronicles of that period often contain the special term Rostovtsi to denote the people of this city. That means that they feel their being as special community. The main component of the consciousness of the people of Rostov was that they considered themselves as people of the Big City of the Land of Rostov and Suzdal, and therefore looked down on the rest of the inhabitants of the region. Aspiration of the people of Rostov to express their superiority towards other cities of the Land of Rostov and Suzdal seems to have displayed itself in the history of the building of the first stone Theotokos Cathedral in Rostov in the sixties of the twelfth century. As a result, the Rostov Cathedral became at that moment the greatest church in the region, surpassing cathedrals of Suzdal and Vladimir. From the last third of the twelfth century the consciousness of the people of Rostov was influenced to a great extent by the cult of St. Leontiy, Bishop of Rostov, whose relics were found in the sixties of the twelfth century. It is important that Leontiy was the first Saint Archpriest recognized officially in Russia, and he was accepted as a heavenly protector of the people of Rostov, and therefore became a symbol of the self-identification of the local community.

Keywords: the 11th – 13th century, Rus, self-consciousness of the people of Rostov.

В исторической науке пока еще мало внимания уделялось изучению самосознания жителей отдельных городских центров домонгольской Руси. Совершенно не исследовано и самосознание населения Ростова того времени. Рассмотрению данного феномена посвящена предлагаемая работа. Она базируется на комплексном анализе летописей, Жития епископа Леонтия Ростовского, памятников культуры и данных археологии.

В древнейших летописях с 1096 до 1220-х гг. многократно фигурирует термин «ростовци», обозначающий жителей города Ростова [5, с. 229, 231, 232, 288, 290, 320, 324, 330, 331, 336, 346, 352–356, 359–363, 365, 424, 468, 472; 7, с. 151, 153, 201, 220]. Значит, они тогда осознавали себя как некую особую общность. А это заставляет предполагать, что в конце XI – первой трети XIII в. население Ростова обладало весьма развитым местным са-

мосознанием или локальной идентичностью. В источниках обнаруживаются более конкретные подтверждения данного предположения.

Важнейшим структурообразующим компонентом самосознания ростовцев являлось то, что они считали себя жителями старшего города Ростово-Суздальской земли. Вполне определенно это выражено в летописной статье 1176 г.: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, [и Полочане], и вся власти якоже на думу на веча сходятся, на что же старейшии сдумають, на томь же пригороди стануть; а зде городь старый Ростовь, и Суздаль, и вси бояре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божия, но “како намь любо”, рекоша, “такоже створимь, Володимерь есть пригородь нашь”...» [5, с. 358].

Как видим, в данной статье Ростов определен как «город старый», то есть старейший и главный город Ростово-Суздальской земли. Более того, он поставлен в ряд с другими древнейшими городами Руси, политическими центрами обширных земель: Новгородом, Смоленском, Киевом и Полоцком – теми самыми, которые фигурируют на ранних страницах русских летописей. По мнению автора цитированной статьи, который открыто выражал интересы жителей Владимира на Клязьме, ростовцы полагали, что решение веча таких главных городов было обязательным для исполнения жителями подчиненных им «пригородов», то есть младших городов соответствующих земель.

На этом основании ростовцы свысока смотрели на остальных обитателей Ростово-Суздальской земли, может быть, исключая только суздальцев. В частности, по версии летописной статьи 1175 г., жителей столичного на тот момент города Владимира ростовцы уничижительно называли своими холопами. Характерно, что это утверждение летописец вложил в уста обиженных владимирцев, которые «не хотяще покоритися Ростовцемь» [5, с. 355].

Первенство Ростова в Ростово-Суздальской земле фактически или формально признавалось составителями летописей того времени. Это выражалось в том, что в перечислениях жителей важнейших городов указанного региона «ростовци» в подавляющем большинстве случаев стоят впереди суздальцев, владимирцев, белозерцев, переславцев [5, с. 229, 232, 320, 324, 330, 331, 336, 346, 352, 356, 359, 363; 7, с. 153]. Нередко также обширный регион, называемый ныне Ростово-Суздальской или Владимиро-Суздальской Русью, летописцы именовали Ростовской землей

или Ростовской областью [5, с. 170, 337, 338, 354, 355, 371, 372].

Гордыня, своеволие и независимость ростовцев ярко проявились в 1159 г., когда они изгнали ростовского епископа Леона за то, что он, по их мнению, грабил попов [5, с. 331]. Те же качества обозначились еще в 1157 г. Тогда ростовцы и суздальцы «посадиша» на княжение в Ростове и Суздале князя Андрея Боголюбского [5, с. 330], тем самым во многом определив последующий ход истории Ростово-Суздальской земли.

Весьма рельефно самосознание ростовцев характеризуют источники, отражающие историю строительства первого каменного собора Богородицы в Ростове и обретения мощей епископа Леонтия Ростовского. В 1160 г. сгорел предшествовавший деревянный городской собор. Вот как об этом сообщает Лаврентьевская летопись: «Того же лета погоре Ростовь, и церкви все, и сборная дивная и великая церкви святое Богородице [сгоре] яко же не было ни будеть» [5, с. 333]. В данной характеристике погибшего деревянного храма, изобилующей такими определениями в превосходной степени, как «дивная», «великая», «яко же не было не будеть», явно слышится голос ростовца, который всеми возможными средствами хотел подчеркнуть исключительную значимость своего городского собора.

Согласно Житию Леонтия Ростовского, князь Андрей Боголюбский повелел создать «церковь камену во имя Пресвятыя Богородица на месте погоревшия церкви. И начаша копати рвы. И обретоша множество мертвых, идеже обретоша блаженнаго Исаия. И бе церкви мала основана. И начаша людье молитися князю, дабы повелел болшую церковь заложити. И умолен быв, повеле воли их быти. Се же все бысть» [9, с. 250–251].

Именно при рытье рвов для фундамента этого большего по размерам собора неожиданно были открыты мощи св. Леонтия Ростовского. «Видеше же людие, възрадовашася радостию великою зело. И послаша весть ко князю Андрею, поведающе ему бывше чудо преславное. Слышав же князь, и прослави великую мудрость божию. И, моляся Богу, глаголаше: “Владыко, господи, Исус Христе, что ти въздам за вся, яже ми еси vzdal, яко в сей области, в моей державе, сподобил еси сицеву скровищю откровену быти?” И поминая спасенное слово, глаголющее, яко утаил еси от премудрых [и] разум открыл еси младенцем. И посла въскоре гроб камен, положити в нем тело святого, идеже и доньне лежит в церкви пресвятыя Богородица, сдевающе преславная чудеса...» [9, с. 251].

Как видим, первый каменный храм Богородицы начали возводить по приказу князя Андрея Боголюбского. Это происходило в 1160-е гг. В процессе строительства ростовцы решили, что собор недостаточно велик. Тогда они убедили князя Андрея изменить первоначальный замысел и построить более крупное сооружение.

В результате по их «воле» ростовский собор стал не просто достаточно вместительным культовым сооружением, а самым большим на тот момент храмом Ростово-Суздальской земли, включая соответствующие соборы Суздаля, Владимира и Переславля-Залесского [2, с. 30–31, 195]. Надо думать, в этом явно выразилось стремление ростовцев продемонстрировать первенство Ростова и свое превосходство над жителями других городов названного региона. Другими словами, собор представлял собой визуальную репрезентацию местного горделивого самосознания.

Более того, согласно версии автора Жития, именно благодаря упомянутой инициативе ростовцев по увеличению размеров собора были обретыны мощи Леонтия – первого признанного церковью святого Ростово-Суздальской земли или, как сказано в цитированном Житии, державы Андрея Боголюбского. Причем епископ Леонтий был первым официально признанным святым архиереем во всей русской традиции.

Еще раз следует подчеркнуть, что в Житии честь открытия мощей св. Леонтия приписана жителям Ростова, а например, не клирикам собора или каким-то определенным представителям власти имущих. Получалось, сам культ св. Леонтия был в значительной степени порожден самосознанием ростовцев и являлся концентрированным его выражением.

Особенно явно данный тезис характеризует то, что в том же Житии епископ Леонтий поставлен в ряд самых выдающихся святых всего христианского мира: «Радуйся, ревнителю святыхъ апостол, искоренителю бесовския льсти. Хвалит бо Римскаа земля Петра и Павла, Греческаа земля – Костянтина царя, Киевскаа земля – Володимера князя, Ростовская земля тебе, великий святителю Леонтие, ублажаетъ, сътворшаго дело равно апостоломъ» [9, с. 253].

В Житии содержится следующее обращение к св. Леонтию: «Помоли же ся Христу Богу, ему же предъстоиши за правовернаго и христолюбивого князя нашего и за вся люди своа, и намъ испроси милость от Бога и оставление грехов, славяше святую Троицу, отца и сына и святого духа ныне и присно, и в век» [9, с. 254]. Как видим, святой

был наделен функцией небесного покровителя жителей Ростова, которые определяются и в цитированной, и в другой части житийного текста как «люди своа», то есть люди св. Леонтия. Следовательно, святой выполнял функцию символа идентификации городского сообщества. Культ святителя после обретения его мощей в 1160-е гг. стал одним из структурообразующих элементов местного городского самосознания – явление почти уникальное для Руси домонгольской эпохи. Ни один русский город того времени, кроме, может быть, находившегося близ Киева небольшого Вышгорода, в котором покоились мощи страстотерпцев Бориса и Глеба, не имел местного святого в качестве своего небесного покровителя. Да и в отношении Вышгорода это предположение документами не подтверждается.

Описанными выше особенностями самосознания ростовцев можно объяснить появление некоторых своеобразных черт Жития св. Леонтия. Характерна явная непохожесть житийного образа св. Леонтия на соответствующие образы немногих признанных тогда церковью русских подвижников благочестия – князей Бориса и Глеба, а также преподобного Феодосия Печерского. В отличие от них? св. Леонтий родился и был воспитан в Константинополе [9, с. 250]. Но, пожалуй, главное отличие заключается в том, что Леонтий в Житии представлен героической личностью. Будучи безоружным, он отважно встречает вооруженных ростовцев-язычников, пришедших его убить, побеждает их и потом обращает в христианскую веру [9, с. 250].

Необычность данной характеристики станет еще более явной, если вспомнить, что, по крайней мере, с 1220-х гг. существовала иная трактовка биографии св. Леонтия, которую сформулировал владимирский и суздальский епископ Симон. По его утверждению, св. Леонтий происходил из монахов Киево-Печерского монастыря и убит в Ростове неверными [4, с. 360; 8, с. 185]. Значит, святитель не был выходцем из Константинополя, а происходил из монахов упомянутой русской обители; не был успешным крестителем пребывавших в язычестве ростовцев, а погиб от их рук. Получилось расхождение с ростовской версией биографии святителя буквально по всем пунктам.

В Житии отмечено самовозгорание свечей у гробницы св. Леонтия в соборе Богородицы. По версии Жития, их зажгли ангелы [9, с. 253]. Важно иметь в виду, что это было первое описание подобного чуда на Руси. По идее оно, конечно, восходит к чуду нисхождения «Благодатного огня» в

храме Гроба Господня в Иерусалиме [6, с. 383–284]. Вот сколь высок был уровень притязаний ростовцев в сфере сакрального! Получалось, что уникальное чудо, совершавшееся до того только в Иерусалиме, в гробнице Иисуса Христа, повторилось в Ростове у раки с мощами св. Леонтия. Именно в Ростове был переосмыслен и адаптирован к русской почве этот особый тип чуда, многократно потом описанный в XIV–XVII вв. представителями других религиозных центров Руси [6, с. 383–284].

Итак, Житие Леонтия в значительной степени является проекцией самосознания ростовцев и в этом отношении представляет собой необыкновенно ценный исторический источник.

Большую роль в формировании самосознания жителей Ростова играла местная епископская кафедра – одна из древнейших на Руси. Но и ростовцы, очевидно, оказывали влияние на самосознание своих епископов и клира архиерейской кафедры.

В духе местного самосознания эти архиереи рассматривали себя в качестве наследников св. Леонтия. В частности, в Лаврентьевской летописи под 1231 г. ростовский владыка Кирилл характеризуется как «наместникъ святыхъ епископъ, прежебывши(хъ) Ростове, Леонтья святого, и священнаго епископа Исаия и Нестера...» [5, с. 435]. Вспомним, что гробница Леонтия находилась в храме Успения Богородицы, который одновременно являлся и городским, и кафедральным, то есть архиерейском собором. Таким образом, власть действовавших ростовских епископов увязывалась с культом св. Леонтия и с памятью о некоторых избранных наследовавших ему архиереях. Ни в одной другой русской епархии домонгольского времени не наблюдалась подобная тенденция.

Для понимания данного феномена важны следующие наблюдения П. Брауна: «Связь церковной иерархии Западной Европы с гробницами мертвых отделяла средневековую католическую церковь от ее византийских и ближневосточных соседей – христианских, еврейских и мусульманских. В Западной Европе власть епископа имела тенденцию коррелировать с влиятельностью усыпальницы. В других местах усыпальница обыкновенно функционировала независимо. Великие христианские усыпальницы и места паломничества восточного Средиземноморья и Ближнего Востока – даже Иерусалима – никогда не использовались, как на Западе, для закладывания фундамента прочных структур церковной власти» [1, с. 20–21].

В Ростове же, вопреки всей этой православной традиции, впервые на Руси была установлена тесная взаимосвязь между культом св. Леонтия, почитанием его гробницы и властью местной архиерейской кафедры.

Именно из Ростова пошла русская традиция отождествления архиерейских кафедр с культурами святых, покоившихся в соответствующих кафедральных соборах. Например, Московская кафедра отождествлялась с XIV–XV вв. с культом св. Петра митрополита, а Новгородская с середины XVI в. – с культурами святителей Никиты и Иоанна.

Возвращаясь к Ростовской епископской кафедре, следует напомнить, что при ней в домонгольское время велось летописание и осуществлялась переписка книг. Некоторые из них сохранились. Первоначально они составляли так называемую библиотеку ростовского епископа Кирилла I. И, как не раз отмечали исследователи, часть данных книг имеет необычно большой формат [2, с. 22–29; 10, с. 38–41]. До сей поры удовлетворительного объяснения этому феномену предложено не было. Теперь же, опираясь на все вышесказанное, можно предположить, что указанные необычно большие размеры формата книг были порождены ростовским самосознанием, носителем которого было присуще демонстративное выражение своего превосходства. Аналогия вполне очевидна: самый большой городской собор – самые большие по формату книги.

Все вышесказанное свидетельствует, что самосознание жителей Ростова в немалой степени оказывало влияние на ход истории этого города и порой – всей Ростово-Суздальской земли. В частности, данным самосознанием были порождены новации в религиозной и социальной сферах, которые тогда, конечно, еще не были строго отделены друг от друга.

В заключение следует подчеркнуть, что самосознание ростовцев развивалось во второй половине XII – первой трети XIII в. не само по себе, а под влиянием политического соперничества Ростова с Владимиром. Суть этого соперничества заключалась в противостоянии старой и новой столиц Ростовской земли, соответственно Ростова и Владимира. Как известно, при князе Андрее Боголюбском (1157–1174) значение нового политического центра данной земли получил Владимир. В результате Ростов во второй половине XII в. стал первой брошенной столицей в истории России. И это во многом определило характер самосознания его жителей домонгольской эпохи. Достаточно очевиден и компенсаторный характер

многих проявлений такого самосознания, в основе которого лежало уязвленное самолюбие ростовцев, лишенных прежней власти над другими городами Ростово-Суздальской Руси.

Думается, полученные наблюдения помогут пониманию истоков некоторых черт самосознания жителей всех других брошенных столиц на территории России вплоть до нашего времени.

Библиографический список

1. Браун, П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве [Текст] / П. Браун. – М. : РОССПЭН, 2004. – 207 с.
2. Вздорнов, Г. И. Искусство книги в Древней Руси [Текст] / Г. И. Вздорнов. – М. : Искусство, 1980. – 552 с.
3. Воронин, Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси [Текст] / Н. Н. Воронин. – М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1961. – Т. 1. – 583 с.
4. Киево-Печерский патерик [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси. – СПб. : Наука, 2000. – Т. 4. – С. 296–489.
5. Летопись по Лаврентиевскому списку [Текст]. – СПб. : Археографическая комиссия, 1872. – 512 с.
6. Мельник, А. Г. Огонь в практиках почитания русских святых в XI–XVII веках [Текст] / А. Г. Мельник // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. – М. : Феория, 2013. – С. 380–393.
7. Новгородская летопись по синодальному харатейному списку [Текст]. – СПб. : Археографическая комиссия, 1888. – 490 с.
8. Поньрко, Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII. Исследования, тексты, переводы [Текст] / Н. В. Поньрко. – СПб. : Наука, 1992. – 216 с.
9. Семенченко, Г. В. Древнейшие редакции жития Леонтия Ростовского [Текст] / Г. В. Семенченко // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л. : Наука, 1989. – Т. 42. – С. 241–254.
10. Столярова, Л. В. О производстве рукописей в Ростове в XII в. (еще раз о судьбе библиотеки епископа Кирилла I) [Текст] / Л. В. Столярова // История и культура Ростовской земли. 1992. – Ростов : Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник, 1993. – С. 38–53.

Bibliograficheskiy spisok

1. Braun, P. Kul't svjatyh. Ego stanovlenie i rol' v latinskom hristianstve [Tekst] / P. Braun. – M. : ROSSPJeN, 2004. – 207 s.
2. Vzdornov, G. I. Iskusstvo knigi v Drevnej Rusi [Tekst] / G. I. Vzdornov. – M. : Iskusstvo, 1980. – 552 s.
3. Voronin, N. N. Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi [Tekst] / N. N. Voronin. – M. : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1961. – T. 1. – 583 s.
4. Kievo-Pecherskij paterik [Tekst] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – SPb. : Nauka, 2000. – T. 4. – S. 296–489.
5. Letopis' po Lavrentievskomu spisku [Tekst]. – SPb. : Arheograficheskaja komissija, 1872. – 512 s.
6. Mel'nik, A. G. Ogon' v praktikah pochitanija russkih svjatyh v XI–XVII vekah [Tekst] / A. G. Mel'nik // Ierotopija ognja i sveta v kul'ture vizantijskogo mira / red.-sost. A. M. Lidov. – M. : Feorija, 2013. – S. 380–393.
7. Novgorodskaja letopis' po sinodal'nomu haratejnomu spisku [Tekst]. – SPb. : Arheograficheskaja komissija, 1888. – 490 s.
8. Ponyrko, N. V. Jepistoljarnoe nasledie Drevnej Rusi. XI–XIII. Issledovanija, teksty, perevody [Tekst] / N. V. Ponyrko. – SPb. : Nauka, 1992. – 216 s.
9. Semenchenko, G. V. Drevnejshie redakcii zhitija Leontija Rostovskogo [Tekst] / G. V. Semenchenko // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. – L. : Nauka, 1989. – T. 42. – S. 241–254.
10. Stoljarova, L. V. O proizvodstve rukopisej v Rostove v XII v. (eshhe raz o sud'be biblioteki episkopa Kirilla I) [Tekst] / L. V. Stoljarova // Istorija i kul'tura Rostovskoj zemli. 1992. – Rostov : Rostovo-Jaroslavskij arhitekturno-hudozhestvennyj muzej-zapovednik, 1993. – S. 38–53.